

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

К. Б. Старкова

ПОНЯТИЕ «ТАЙНА» В КУМРАНСКИХ ТЕКСТАХ

1996 г. является промежуточным между двумя возможными юбилейными датами «открытия века», как журналисты и ученые обозначили находку произведений еврейской письменности в районе городища Хирбет-Кумран на северо-западном побережье Мертвого моря (тогда территория Иордании). Действительная дата находки, как выяснилось много позднее, — весна 1945 г., когда молодой бедуин, Мухаммед Ди'б (Волк) из племени Та'амире, в поисках овцы нашел в пещере кожаные свитки и их куски и кусочки, покрытые непонятными ему письменами. В условиях не закончившейся еще второй мировой войны его привлекла дефицитная кожа на заплаты очень нуждавшейся в них обуви. Для этой практической цели кожа, большей частью пергамент, оказалась непригодной, но пастух не спешил ее выбросить. Лишь через 2 года, в 1947 г., к находкам подобрался жуликоватый антикварий из Вифлесама, через которого сведения выплыли наружу и о них был оповещен весь читающий и слушающий радио мир. Первые сведения в печати, по моему мнению (осень 1947 г.), и должны быть отправной точкой для подытоживания результатов открытия, но все же пятидесятилетний срок можно считать наступившим.

Сегодня особенно хочется указать на то значение, которое для нашей страны имели высокая культура и широкие интересы двух уже тогда пожилых женщин-ученых, изучавших античную и средневековую историю стран Переднего Востока. В отделе хроники академической серии «Эпиграфика Востока» появилось в 1954 г. краткое анонимное сообщение о находке рукописей древнееврейской письменности в пещере недалеко от берега Мертвого моря; отмечалась их высокая историческая ценность на основе мнения западных специалистов. Заметка принадлежала редактору ежегодника проф. В. А. Крачковской, которая таким образом является «первооткрывателем» в нашей стране этих важнейших для истории культуры источников. Сравнительно позднюю реакцию советской науки на сенсационное открытие можно объяснить тем обстоятельством, что память о процессе «врачей-евреев» была еще совсем свежа, цепная реакция не успела закончиться и, естественно, ни пресса, ни радиопрограммы не стремились отражать и пропагандировать новые достижения в истории иудаизма.

У нас эту роль взяли на себя представители гуманитарных наук, в первую очередь востоковеды. Необходимо отметить в этой области особые заслуги чл.-корр. АН СССР, проф. Н. В. Пигулевской. Она поддерживала новую отрасль науки с самого ее начала и до конца своей жизни во всех сферах своего влияния: в редакциях научных журналов и сборников, в Палестинском Обществе, заседания которого регулярно предоставляли место докладам и сообщениям по темам, связанным с изучением рукописей Мертвого моря. «Палестинский сборник» под ее редакцией всегда был готов публиковать новые материалы: первые переводы этих памятников на русский язык появились именно на его страницах. Возглавляемый ею Кабинет Ближнего Востока особенно охотно включал в свои исследования темы, связанные с историей возникновения монотеистических (христианской) религий, присоединяя сюда и материалы Хирбет-Кумрана по мере их публикации и изучения.

В настоящем сообщении мы останавливаемся на одном филологическом пункте, косвенно связанном со всей историей кумранских текстов. Как известно, в первые годы и десятилетия после их открытия, иногда и до сего времени, от них ждали чего-то чудесного и таинственного, такого, что может мигом осветить и объяснить природу христианского и даже иудейского вероучения в новом аспекте. Прослеживалась тенденция видеть в Праведном Наставнике (или Учителе Праведности) прообраз Христа и даже самого Христа; исследователи находили в текстах намеки на распятие и воскресение и даже прямые сообщения об этом и т. д. и т. п. Детальное изучение всех первичных и дополнительно открытых текстов, как известно, не вполне подтвердило подобные толкования, но ожидание тайн может существовать и теперь и всегда, если оно опирается на тот неоспоримый факт, что члены иудейской общины, жившие в Хирбет-Кумране и некоторых других местах, стремились ограничить распространение сведений о жизни и деятельности своей общины. Вступающий в ее ряды принимал страшные клятвы не разглашать ничего посторонним, в особых обрядах клятвы такого рода возобновлялись ежегодно. О верности им в самых крайних обстоятельствах свидетельствует также известное место в описании ессеев у Иосифа Флавия. Ни один из членов общества не мог привлечь нового адепта без предварительного ведома и одобрения главы администрации данного лагеря, сказано в «Дамасском документе» (CD). Из этого следует, что общество ессеев-кумранцев имело секреты и стремилось их хранить. Отсюда возникает интерес к понятию тайны в терминологии кумранской литературы. И, как ни странно, изучение самого термина показывает, что в понятии тайны собственно нет ничего секретного, что следовало бы охранять от посторонних глаз. Для понятия «тайна» (библейско-арам., заимствовано из персидского) и в Библии, и в кумранской литературе применяется слово *gāz* (мн. ч. *gāzīm*), дополнительно к нему существует термин *šōd*, первичное значение которого «тайный совет», «тайное совещание», а затем предмет такого совета, совещания, то, что не выносится на всеобщее обсуждение.

В кумранских текстах слово *gāz* встречается в ораторско-поэтической речи. Первое место по словоупотреблению занимают «Благодарственные гимны» (1 QH) — 19 раз. В «Уставе общины»

(1 QS) находим его 8 раз, но только в заключительных гимнах прославления величия Бога и его мироздания (табл. IX—XI) и в табл. II—IV, содержащих «Учение о двух духах». В «Воине сынов Света против сынов Тьмы» (1 QM) термин *gāz* встречается 5 раз во вставных гимнах-молитвах и один раз в лозунге на сигнальных «трубах засады» (1 QM, III, 8—9: «Тайны Бога на погибель нечестиво!»). Еще 4 раза мы видим его в «Толковании на кн. Аввакума» (1 Qp, Hab.), самая цель которого — раскрыть «тайны (вечные)» содержания слов библейского пророка. Однажды его употребляет «Дамасский документ» (CD) в изложении прошлого Израиля, приведшего к образованию общины благодаря чудесной помощи Бога. Еще с десяток примеров употребления *gāz* (тайна) можно найти в разрозненных фрагментах литургического характера, в толковании и в отрывке, известном под названием «Книга Тайн» (1 QMyst) именно потому, что в небольшом количестве уцелевших строк данное слово встречается 4 раза и речь в них идет о непостижимости поведения человека и человеческого общества, понимающего добро, но поступающего до определенного срока по законам нечестия. Только частицей божественного разума, которая уделена человеку, он может постигать тайны Божии или лишь соприкоснуться с ними.

Часто понятие «тайна» определяется словами «чудо, диво», переводимыми в таких случаях как русские прилагательные «чудесные, дивные» тайны. «И милость Твоя — всем сынам благоволения Твоего, ибо Ты научил их тайне Твоей истины и дивными тайнами вразумил Ты их» (1 QH, XI, 9—10). Отсюда возникает чувство благодарности за избранничество: «Бла[годарю] Тебя, Господи, что вразумил меня Твоей истиной, и Твоим дивным тайнам научил меня» (1 QH, VII, 26—27). Сами тайны просвещают сердце избранника: «...и сияние моего сердца — в тай[ну] совершающегося, и вечносущее — опора моей деснице» (1 QS, XI, 3—4). И далее там же: «Свет в моем сердце от Его чудесных тайн» (1 QS, XI, 5). Тайной мудростью Бог не только вразумляет человека, но и обличает, упрекает его: «Ибо Ты, Боже мой <...> Ты тягнешься тяжбою моей; если даже в тайне Твоей мудрости наставил Ты меня» (1 QH, IX, 23). Источник тайны знания именно разум: «И удостоверенное я услышал ради Твоей дивной тайны. Твоим Святым Духом рас[крыл] Ты внутри меня знание в тайне Твоего разума...» (1 QH, XII, 12—13). Это Откровение мудрости направлено на человека ради славы его Творца. Это видно из 1 QH, XIII, где после упоминания: «...и в Твоих чудесных тайнах...» (1 QH, XIII, 2) и довольно лакунированного текста читается: «И в тайнах разума Твоего <...> все это, чтоб возвестить Твою славу <...> дух плоти, чтоб понять все это и чтоб уразуметь <...> великий» (1 QH, XIII, 13—14). Глубины тайн доступны лишь самому Богу, как свидетельствует заключение «Устава общины»: «Нет другого, помимо Тебя, чтобы возразить на Твой совет и чтоб уразуметь весь Твой священный замысел и всмотреться в глубину Твоих тайн и понять все Твои чудеса вместе с силой Твоей мощи» (1 QH, XI, 18—20). Тайну составляет само бытие: «...когда открыл твоему уху тайну должного бы[ть]...» (фрагмент апокрифического текста из 1-й пещеры — 1 Q, № 26, фр. 1, 4). К тайнам относится греховность людей и духов, такие явления, как существование зла и греха,

срок их существования и срок, когда их существование прекратится. Здесь понятие тайны приобретает известную определенность. Касаясь прошлого народа Израиля, «Дамасский документ» говорит: «Но они запятнались людским преступлением и нечистыми путями и говорили: „Это для нас“. Но Бог своими чудесными тайнами очистил их грех и снял их вину, и построил им верный дом во Израиле, какой не стоял ни прежде, ни ныне» (CD, III, 17—19). Таким образом учреждена община («верный дом»). Чудесные тайны обнимают и высшие сферы, как утверждает частично поврежденный текст одного из гимнов «Войны сынов Света...»: «...и тайны чудес Твоих в высотах Твоих...» (1 QM, XIV, 14). Испытания праведников — тайна Бога, и поддержка Им праведников также исполнена тайн: «Итак, вы, сыны Его Завета, крепитесь в горниле Божиим, пока не подымлет он свою руку, исполня горнила свои, тайны свои, чтоб вам устоять» (1 QM, XVII, 8—9). Тайны греховности и зла, тайны Велиала, напротив, направлены на то, чтобы ослабить и погубить избранных: «...входит в кос[ти мои?], чтобы смутить дух и уничтожить силу, сообразно тайнам греха, изменяющим дела Бога своей виной...» (1 QH, V, 35—36). Конкретное содержание тайны составляет временное господство злых сил Кривды, Велиала, Духа тьмы: «Но Бог в тайнах своего разума и в своей славной мудрости дал конец бытию Кривды и в назначенный срок уничтожит ее навеки» (1 QS, IV, 18—19). Именно срок освобождения от власти зла составляет божественную тайну. «Ибо Бог поставил их (Правду и Кривду) мерой в меру до последнего срока» (1 QS, IV, 16). Ессейский истолкователь Писания предупреждает о неуместности нетерпения в желании узнать точное время исполнения обетований: «Ибо все сроки Бога придут согласно их череде, как Он начертал [им] в тайнах своего расчета» (1 Qp, Nab. VII, 13—14). «Толкование на кн. Аввакума» подчеркивает, что «последний срок» должен быть долгим, это подтверждается соответствующим стихом Аввакума, так как «тайны Бога должны поразить чудом, если медит [срок], жди его, ибо непременно придет и не опоздает» (Авв. 2:3—4). В этом месте толкования усматривали особое значение Праведного Наставника, который стоит выше пророков, поскольку Ему известны тайны их слов, в тексте содержится выражение «тайны слов пророков»: «Толкование тому о Праведном Наставнике, которому Бог возвестил все тайны слов рабов Его, пророков» (1 Qp, Nab. VII, 4—5). Контекст в целом явствует, что в данном случае «тайны слов пророков» относятся к «последнему» сроку, которого не знает, не может и не должен знать никто до его наступления. Из «Благодарственных гимнов» видно, что иногда понятие тайны обозначало явления человеческой жизни и жизни природы, недоступные разуму человека той эпохи. Тайна речи — раскрытие мысли через слово также имеет источником Бога, она зависит от воли Бога и совершается по установленным им законам: «Ты сотворил язык одухотворенным, и Ты знаешь его слова. Ты учредил плод уст (т. е. речь) прежде их бытия. И Ты направил слова по шнуру и изливания духа (= дыхания) уст по отмеру. Ты извлек звуки согласно их тайнам и изливания дыхания по их отсчету, дабы возвестить Твою славу и рассказать о Твоих чудесах...» (1 QH, I, 27—30). Подобным же образом трактуются недостижимые тайны

природы, однако в них посредниками между Богом и человеком выступают особые внешние силы — ангелы и духи, исполняющие переданное им. «И Ты разостлал небеса ради славы Твоей... и духов силы по их законам. Прежде чем быть им послами [святыми] <...> вечными духами в их владычестве, светилами ради их тайн, звездами ради их троп, [буйными ветрами] ради их ноши, зарницами и молниями ради их службы, кладовыми запасов для потребностей и[x] ради их тайн» (1 QH, I, 9—13). Фрагмент «Книги Тайн» (1 QMyst, 13, 2) упоминает также «тайны (водной) бездны» — олицетворение стихии воды. Таким образом понятие тайны подчеркивает ограниченность, неполноту разума и знания, неспособность человека самостоятельно проникнуть в законы общества и природы. Что же касается «тайн», скрываемых самой общиной, то они определяются не термином *rāz*, а термином *ṣōd* — тайный совет и объект, предмет тайного совета.

C. B. Starkova

THE IDEA «MYSTERY» IN THE QUMRAN TEXTS

The author reminds that in the 1997 y. 50 years have passed since a sensational find was done on the Dead Sea sides and records V. A. Krachkovskaya and N. V. Pigulevskaya services in the initiation of the Qumran studies in our country.

The author analyses the sence and idea of the word «mystery» (*rāz*) in the Qumran texts and arrives at the conclusion, that this word was for the most part met with oratorical-poetical context. The idea «mystery» emphasizes a narrow-mindedness, imperfection of mind and knowledge, an incapacity of the ordinary man to penetrate into the social and natural laws without assistance.